

Ковалев Александр Сергеевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ 20-30-Х ГГ. XX В

В статье рассматриваются теоретические взгляды советских идеологов, публицистов и специалистов по поводу социального положения инвалидов различных категорий, их предложения по организации для них мероприятий социально-политического характера. Автор делает вывод о том, что в представлениях государственных деятелей и обывателей инвалиды виделись самой неблагополучной группой населения, а ключевым направлением социальной политики в отношении нетрудоспособного населения называлось профессиональное обучение и трудоустройство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/5/30.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 97-101. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(470)19; 316.35; 330.59

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются теоретические взгляды советских идеологов, публицистов и специалистов по поводу социального положения инвалидов различных категорий, их предложения по организации для них мероприятий социально-политического характера. Автор делает вывод о том, что в представлениях государственных деятелей и обывателей инвалиды выделялись самой неблагоприятной группой населения, а ключевым направлением социальной политики в отношении нетрудоспособного населения называлось профессиональное обучение и трудоустройство.

Ключевые слова и фразы: инвалиды войны; инвалиды по зрению; инвалиды труда; пожилые люди; социальная педагогика; социальная политика; теоретические представления.

Ковалев Александр Сергеевич, к.и.н., доцент

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
alexkovaleff@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ 20-30-Х ГГ. XX В. ©

Большая часть публикаций 1920-1930-х гг., в той или иной степени затрагивающих проблемы социальной политики, связанной с проблемами инвалидизации и старения, воспроизводила принципы официальной идеологии. Они отличаются искаженными представлениями о социальной действительности, односторонней характеристикой происходивших в стране процессов, неаргументированной критикой несоциалистических форм социальной политики, а также сознательным умалчиванием противоречий советской модели социального обеспечения инвалидов и стариков. В большинстве подобных работ 20-30-е гг. XX в. предстают как эпоха фундаментальных преобразований и коренных сдвигов в социальной сфере, позволивших «обеспечить достойную старость» и «невиданную заботу об инвалидах». Тем не менее, анализ теоретических взглядов партийных и государственных деятелей, журналистов и узких специалистов позволит определить, каким было видение социальных проблем инвалидов и пожилых людей, рекомендации о характере государственной политики.

Независимо от принадлежности к вышеуказанным группам, все теоретические изыскания того времени также можно разделить по предмету исследования. Так, внимание авторов могло быть сконцентрировано в области изучения непосредственно процессов инвалидизации и старения, социального положения инвалидов и пожилых людей в обществе, проблем социального страхования и обеспечения различных категорий инвалидов. Приоритетным направлением этих исследований является изучение принципов трудоустройства лиц с ограниченными возможностями, феномена работоспособного инвалида и пожилого человека.

Многие вопросы, касающиеся социального положения инвалидов и оказания им всесторонней помощи, отражены во взглядах М. И. Калинина, который долгое время был главой Всероссийского комитета помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (Всерокомпома). В частности, им были написаны тезисы «Приложения к постановлению ВЦИК о проведении недели помощи инвалидам», где характеризовалось положение инвалидов войны. Калинин писал: «Тяжелое хозяйственное положение... и необходимость сосредоточения усилий всех трудящихся на борьбе с хозяйственной разрухой... отвлекали наше внимание от работы по оказанию всесторонней помощи инвалидам войны, и они... представлены своей собственной беспомощности... Семьи и хозяйства инвалидов совершенно не обеспечены... Многие из инвалидов вынуждены заниматься нищенством и попрошайничеством» [5, д. 83, л. 19].

В одном из январских номеров «Известий НКСо» было опубликовано письмо Л. Д. Троцкого, адресованное Наркомату социального обеспечения, органам Всерокомпома, – «О трудовой помощи инвалидам» [13, с. 2]. В письме он упрекает органы государственной власти и ее представителей в том, что вопрос об инвалидах обычно рассматривается с точки зрения социально-политических мероприятий («ставится почти исключительно в плоскость материальной помощи») и «слишком мало связывается с вопросами социальной педагогики», под которой он понимает прежде всего профессиональное обучение, «перевоспитание инвалидов», связанное с «систематическим приспособлением... к разным видам им доступного и полезного труда».

В своем письме Троцкий довольно четко описывает душевное состояние инвалидов: «выбитые инвалидностью из колеи, люди слишком легко теряют психическое равновесие», «наиболее деморализованные элементы». Он справедливо характеризует образ жизни современных ему инвалидов («соединяют... нищенство с... вымогательством... качаясь в промежутке между нищенством и спекуляцией»), объясняя причины их социальной неустроенности («вследствие расшатки хозяйственной жизни... превращаются в люмпен-пролетариев, которые чураются всяких видов труда»).

Исходя из этого, Троцкий полагал, что инвалиды являются одной из самых ущемленных социальных групп населения, и основную причину этого видел в том, что «мысль, что инвалид вовсе не означает лишний человек, нахлебник, недостаточно или почти вовсе не пропагандируется, не вводится в сознание самих инвалидов». Однако под лишним человеком в лучших традициях пролетарской идеологии понималось лицо, не желающее трудиться, в связи с чем представления Троцкого об инвалидах и причинах инвалидности во многом противоречивы, поскольку к лишним гражданам он сам невольно причисляет большинство инвалидов. С одной стороны, он призывает активизировать заботу об инвалидах (правда, опять же, дополнив ее мерами социальной педагогики в его понимании), «ставить их как граждан, имеющих заслуги перед Республикой, в благоприятные условия», обеспечить им «моральное удовлетворение и достойное существование». И, в то же время, он предлагает жесткие репрессивные меры в отношении инвалидов, не желающих трудиться: «завести список инвалидов, которые упорно отказываются от доступных им видов труда», «заносить эти факты... в личные книжки инвалидов».

Нетрудно увидеть, что если для Троцкого и существует деление инвалидов на какие-либо группы, то оно по-революционному незамысловатое: есть инвалиды, которые не хотят трудиться и подлежат суровому наказанию, и инвалиды, которые «с успехом выполняют разного рода общественные функции». Государство же призвано помочь инвалиду справиться с «тяжелой привычкой», которой является инвалидность, привлечь инвалидов (в первую очередь, гражданской войны) к посильному труду, который «им позволит гораздо лучше переносить бремя своей инвалидности...».

Нужно сказать, что истинная дифференциация инвалидов, имевшая место в исследуемый период, Троцкий не рассматривается. Между тем, социальное положение некоторых категорий было крайне непрезентабельным – умственно отсталые, незрячие, глухонемые не попадали под действие законодательства об инвалидах войны и труда, считались «беспризорными» и были вынуждены добывать средства к существованию попрошайничеством.

В отношении одной из категорий показательна статья Б. П. Собковича «Слепые в РСФСР» [12, с. 3], в которой он подверг резкой критике инвалидов по зрению: «...с экономической точки зрения... слепец в лучшем случае предмет сожаления и горя... в большинстве же случаев он – лишний рот, помеха, существо бесполезное, требующее ухода и расхода».

Причину негативного отношения общества к незрячим инвалидам автор статьи видел в том, что «слепой является для общества и государства предметом двойного расхода: он не несет никаких трудовых повинностей, не вносит ничего в сокровищницу народного труда и вызывает еще расход на свое содержание... обходится обществу и государству слишком дорого... ущерб причиняет государственному благосостоянию».

Неудивительно, что мир незрячих людей Собкович рисует в противостоянии с миром способных видеть сограждан: «беды материального и духовного свойства заставляют слепца уйти в себя, замкнуться и недоверчиво относиться к другим людям... замечается озлобление против мира зрячих». Виновыми в этом журналист считал самих незрячих инвалидов, которые продолжают оставаться «бесполезными членами общества» и не хотят вступать «в ряды честных тружеников», поскольку не стремятся заниматься тяжелым физическим трудом: «слепые обыкновенно считают умственный труд особо благородным и высоким, а занятия ремеслом чем-то низким и оскорбительным». Чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию, Собкович, вслед за партийными деятелями, предлагал организовать ремесленное обучение слепых, которое «поможет слепому выйти из такого тяжелого для себя и других положения», поскольку «слепой должен существовать своим трудом». Следует заметить, что, призывая слепых включаться в трудовую деятельность, автор статьи забыл о том, что благотворительные царские учреждения для незрячих давно уже были закрыты, а новых советская власть создать еще не успела. К тому же, инвалиды по зрению самой властью признаны наравне с инвалидами войны или труда не были и входили в категорию «беспризорных». Это означало, что основные виды социального обеспечения, предназначенные для инвалидов, в том числе профессиональное переобучение или трудоустройство на особых условиях, были им недоступны. Однако существенным достоинством работы Собковича является предложение своего рода профориентационных мероприятий и проведение по их итогам профессионального отбора, поскольку «наиболее трудной задачей является выбор ремесла для слепых; для слепого важно выбрать такой вид труда, который мог бы дать ему заработок».

Неудивительно, что порой значение трудовых процессов в жизни инвалида нередко связывалось с требованием «побороть болезненную психику инвалида, преувеличивающего всегда свою беспомощность» [2, с. 2]. В 1924 г. в официальном печатном органе Всерокомпома была опубликована серия статей, посвященных инвалидам войны. Так, врач А. В. Ливанов в своем «врачебно-социальном очерке» сравнивал их с инвалидами труда. Однако прежде, чем перейти к изложению его взглядов, следует оговорить то обстоятельство, что очерк был опубликован в центральном печатном органе Всероссийского комитета помощи инвалидам войны, поэтому судить об объективности представленных его автором идей следует с некоторой осторожностью.

Описывая особенности устройства жизни и быта обеих категорий, Ливанов пишет следующее: «Посетите общежитие инвалидов труда, и Вы там увидите порядок, некоторое довольство и даже достаток, и администрация Вам обычно скажет, что этот порядок легко поддерживать. Вам скажут, что скандалов, эксцессов, дезорганизации эта группа не вносит. Посетите общежитие инвалидов войны, и Вы сразу почувствуете, что военно-инвалидная масса в этих домах крайне не удовлетворена, увидите... разницу быта, бедность и даже нищенскую обстановку, услышите сотни жалоб, и администрация обычно заявит, что из скандалов она не выходит» [10, с. 2]. Помимо этого, Ливанов указывает на разное материальное положение инвалидов

рассматриваемых им категорий, говорит о том, что повсеместно можно обнаружить «бедность инвалидов войны и сравнительный недостаток инвалидов труда». Пытаясь анализировать причины этих различий, ученый выделяет два ключевых фактора.

Первый он называет «бытовым» и говорит о том, что инвалид войны «за время 7-летней войны, империалистической и гражданской, потерял оседлость, потерял семью, потерял имущество... утратил свой прежний быт и прежнюю установку личности на оседлость... часть домашнего скарба... обывательскую психологию на свою прежнюю профессию» [Там же].

Второй фактор – «медицинский». Ливанов проанализировал экспертные свидетельства и пришел к выводу, что у инвалидов труда преобладают физические увечья и общие заболевания «при отсутствии повреждения нервно-психической сферы». В то же время у инвалидов войны «подавляющий процент (70) – повреждения психической сферы (травматические неврозы, эпилепсии, истерии, психопатии и т.д.) при наличии физического увечья и лишь незначительный процент (30) – только физических дефектов при целостности нервно-психического здоровья». Именно в том, что инвалиды труда не получали психическую травму, «не травматизированы военной обстановкой и военными ужасами», автор очерка видит основную причину их более «выгодного» положения.

Защищая инвалидов войны, Ливанов пишет: «Обычно мы представляли инвалида войны просто гражданином, который на войне потерял часть своего тела (руку, ногу)... и казалось, что при некотором физическом ремонте (протезирование, ортопедия) он будет отличаться от прочих граждан только материальной разницей физического благополучия своего тела, как обычно бывает с инвалидами труда. И это оказалось ошибкой – инвалид войны оказался с более сложными и труднее поправимыми повреждениями... нервно-психического аппарата... [и] довоенной установки личности вследствие развившихся под влиянием войны заболеваний, пограничных с душевными расстройствами» [Там же]. В связи с этим он предлагает в процессе проведения социальной политики в интересах инвалидов войны учитывать эти обстоятельства, советует органам власти:

- активно сотрудничать с психиатрами и социологами;
- расширить взаимодействие органов Наркомздрава и социального обеспечения в области проведения профотбора и трудоустройства военных инвалидов;
- осуществлять профотбор «по особому методу», который заключается в первичном перевоспитании и переобучении лиц с психическими заболеваниями;
- создать систему «санаторно-колониальной и колониально-патронатной» помощи, т.е. открывать специальные учреждения в виде поселений, где будут осуществляться медицинские и социальные исследования [Там же].

Идеи Ливанова поддержал пожелавший остаться безымянным автор, который в следующем номере «Бюллетеня Всесоюзного производственно-потребительского объединения инвалидов, разосланном на места во время проведения «недели протеста против войн» в 1924 г.

Говоря же об инвалидах войны, автор статьи говорит о том, что «война – нелепый и жестокий спутник капитализма... не случайная катастрофа», и что инвалидность войны в советском государстве «скрывается революционным пафосом». Он критикует социальное обеспечение инвалидов войны в капиталистических странах, отмечая, что там оно носит «показательный характер, связано с взрывом патриотизма... Но по существу инвалид войны, как только минет период войны, и окончатся торжественные парады, остается тем же “нищим” и “калекой”, [от него] отделеются филантропической подачкой». Советскую систему социальной заботы об инвалидах войны в противовес «буржуазной» он провозглашает как «сознательный, планомерно осуществляемый долг коллектива», когда инвалид войны рассматривается обществом «уже не как несчастный калека, а тот же трудящийся» и призывает граждан бороться с равнодушием к участи инвалидов войны.

Однако далее, сознательно или невольно, автор заметки пишет о том, что к феномену инвалидности советский «коллектив не вполне подготовлен», и что инвалиды войны порой упрекают советскую власть в том, что она ничем не лучше власти буржуазной. Конечно, автор не сомневается в том, что так может говорить только «несознательная часть инвалидной массы», но в то же время признает, что «мы капитулировали перед невозможностью» помочь инвалидам войны иным образом, чем западные филантропы.

«Несознательным» инвалидам противопоставлялись настоящие «красные инвалиды», о которых говорилось в циркуляре Всесоюзного производственно-потребительского объединения инвалидов, разосланном на места во время проведения «недели протеста против войн» в 1924 г.

В материалах, подготовленных по инициативе Всесоюзного производственно-потребительского объединения инвалидов, подчеркивалось, что «красные инвалиды советской страны совершенно чужды тем слащавым разговорам... которыми буржуазия и ее лакеи пытаются усыпить трудящихся». В отличие от своих несознательных собратьев, «красные инвалиды» были готовы проявить «твердую волю... – отдать остатки физических сил», поскольку советская власть «закрывает инвалиду капиталистический путь горя и нищеты изуродованного человека» [3, д. 119, л. 9].

Среди многочисленных суждений, относящихся к действиям государства в отношении инвалидов, определенный интерес вызывают взгляды, касающиеся развития благотворительности. Вообще она вроде бы как

была под запретом, и поэтому упоминали о ней крайне редко и только в контексте деятельности Всерокомпома. В 1926 г. в «Бюллетене Томского окружного комсомола» были опубликованы две заметки – председателя Всероссийской организации М. И. Калинина и его заместителя Н. Читина.

При первом же знакомстве с их выступлениями становится понятно, почему вдруг была допущена благотворительность. Калинин прямо указывал, что «государственными средствами можно обеспечить только небольшую часть многих тысяч инвалидов гражданской и мировой войны», и на помощь государству должна прийти «советская общественность». Выход «всероссийский староста» видел в том, чтобы создать «мощный фонд, который позволит... развернуть серьезную лечебную и материальную поддержку... жертвам войн, а также работу по возвращению их к общепользному труду». Причем для привлечения «трудящихся масс» была использована мотивация, основанная на отрицательных стимулах, укладывающихся в формулы: «Необходимо в каждом рабочем и крестьянине создать уверенность, что, потеряв трудоспособность, они получают заслуженную ими поддержку». Или: «Помогая инвалидам, мы получим ответ на вопросы совести и скажем: мы не остались глухи и безучастны к инвалидам, мы не оплатили черной неблагодарностью тем, кто ради нас пожертвовал своим здоровьем» [8, с. 1-2].

Читин также давил на отсутствие сострадания со стороны здоровых граждан: «Мы забываем собственные родные раны, которым мы не уделили особого внимания. Одна из чрезвычайно больших ран... это тяжелые экономические условия инвалидов гражданской и империалистической войны». В лучших традициях дореволюционного батюшки, призывающего пожертвовать средства на помощь обездоленным, заместитель председателя Всерокомпома рисовал страшные картины неблагополучия инвалидов, «отдавших свои лучшие силы за хорошее будущее»: «отсутствие нормального бытового положения», «страдания и горе мы видим в семьях инвалидов», «инвалид, получающий от 7 до 15 руб. пенсии, конечно, не в состоянии нормально прокормить свое семейство, он вынужден попрошайничать, заниматься всякого рода спекуляциями» [14, с. 3-4].

Помощь инвалидам называлась официальными лицами «долгом каждого честного гражданина», который должен «вспомнить забытое прошлое и проверить себя, сделал ли он что в деле помощи инвалидам». Содействие это виделось в том, чтобы здоровое население становилось членами местных отделений Всерокомпома или ячеек «Друг инвалида», делало отчисления и пополняло тот самый фонд.

Что характерно, когда речь заходила об обеспечении инвалидов не силами государства, а через общественную инициативу, инвалид из «лишнего рта» и «беспользного существа» сразу становился «героем», «храбрым решимостью, оставленным калеккой, который вправе требовать внимания». Менялось и отношение к благотворительности, которая под управлением государства неожиданно из «служанки буржуазии» превращалась в неотъемлемый элемент социальной политики.

Интересна полемика, завязавшаяся на страницах изданий, выпускавшихся НКССО, по поводу участия медицинских работников в обучении инвалидов. Она не была оформлена в серьезные теоретические представления, однако содержит в себе крайне интересные замечания, позволяющие говорить о формировании гуманистического отношения к нетрудоспособным гражданам.

В январском журнале НКССО «Вопросы социального обеспечения» была опубликована статья Жемчужного «Задачи профессионального обучения инвалидов», в которой он поставил вопрос о том, «необходимо ли для того, чтобы обучить инвалида, частично утратившего трудоспособность, ремеслу, чтобы дать ему профессиональные знания, поставить если не во главе, то во всяком случае в центре профшколы, врача» [7, с. 2]. Сам автор отвечал на свой вопрос утвердительно, ссылаясь на опыт Запада и Америки, где во главе профшкол для инвалидов стояли врачи. Однако вскоре в «Известиях НКССО» появилась безымянная критическая заметка, в которой излагалась противоположная точка зрения. Западный опыт признавался «совершенно неприемлемым в русских условиях... где врачи-специалисты исчисляются единицами», что оказалось бы губительным для всей организации профессионального обучения. Неизвестный автор писал, что, «создавая профшколы для инвалидов под руководством врачей, мы еще больше укрепляем в инвалиде мысль, что он ненормальный гражданин, нуждающийся в постоянной врачебной помощи и уходе, но окончательно осложним задачи профобучения инвалидов, сделав главную из них –J привлечение инвалидов в школу – неразрешимой» [11, с. 3].

В интересах инвалидов в заметке предлагалось вовсе отделить лечение от обучения, создавая «не школы-лечебницы, а школы-мастерские», и смысл обучения тогда будет заключаться «не в искусственно построенной системе упражнений, а в изготовлении изделий рыночной ценности».

Далее автор излагает еще куда более передовые для своего времени идеи, говоря о том, что школа должна подготовить инвалида к жизни, чтобы, «вступив в самостоятельную жизнь, он мог в борьбе за существование опереться на «сложение сил инвалидов» (*в данном случае имеется в виду кооперация – прим. А. К.*). Став деятельным членом кооперативного объединения, инвалид успешно справится со всеми затруднениями, с которыми здоровый, но одинокий работник не в силах подчас справиться» [Там же].

Исходя из этого, автор делает вывод, что во главе подобных школ могут стоять только техники-педагоги, а не врачи, которые должны заниматься исключительно медицинской стороной дела помощи инвалидам, т.е. «вопросами лечения инвалидов, профилактики увечности, вопросами долечивания, протезирования и экзертизы» [Там же].

Та же мысль неоднократно подчеркивалась на IV Всероссийском совещании работников отделов социального обеспечения в 1922 г. Целью профессионального обучения и использования труда инвалидов называлось приспособление инвалидов к самостоятельному труду и снятие их с государственного социального

обеспечения. Поэтому профессиональное обучение и переобучение инвалидов должно было носить временный характер, а инвалид оставаться в трудовом учреждении до того момента, пока не достигнет высокой степени «трудовой самостоятельности». Исходя из этого, весь административный и технический персонал трудовых учреждений также следовало набирать из среды инвалидов [1]. По мнению руководителей НКССО, такое трудоустройство дает возможность инвалиду полностью использовать свои силы, обеспечивая себя и семью необходимым прожиточным минимумом (в представлениях 20-х гг. XX века – продуктами).

Среди всей массы инвалидов особо выделялась группа «инвалидов старости», которые длительное время, если не входили в круг привилегированных лиц, были фактически лишены права на достойную социальную помощь от государства, которая ограничивалась помещением их в инвалидные дома. Видимо, именно по этой причине исследований, посвященных старению и старости как социально-демографической проблеме, долгое время просто не существовало, они появляются только в 30-х гг. XX века.

Очень показательны для понимания эволюции взглядов и отношения к старикам соображения того же М. И. Калинина, изложенные им в докладе о коммунистическом воспитании на Московском партактиве в октябре 1940 г.: «Стариков, работавших по 40 лет на заводе, хороших профессионалов, мы, революционеры... не особенно ценили... Почему? Потому, что они старались для капиталистов. Другое дело... при социализме. Сейчас таких людей, которые [всю жизнь] проработали на заводе, которые представляют собой образцы трудовой дисциплины, являются знатоками своего дела и дают высшие показатели производительности труда, таких людей мы поднимаем на щит, награждаем орденами и медалями, чествуем, премируем, как лучших советских граждан. Почему мы в корне изменили свой взгляд на таких работников? Почему сейчас мы считаем их полезнейшими, ценнейшими гражданами?.. А потому, что они стоят на передовых позициях в нашей классовой борьбе, достигшей высшей ступени своего развития» [9, с. 403]. Получается, что если до революции человек работал хорошо, то тем самым «помогал капиталисту». Поэтому органы социального обеспечения и социального страхования с такой неохотой засчитывали (а порой и вовсе не принимали во внимание) дореволюционный трудовой стаж. И человек, который состарился до революции, обеспечивался на порядок ниже, чем такой же старик, но инвалид труда по советской мерке, который, если он работал с тем же рвением, становился «во главе классовой борьбы», был «героем труда» и получал достойное содержание от органов власти.

Подводя итоги, следует обратить внимание на то, что инвалиды в представлениях партийных деятелей и рядовых обывателей выступали как самая уязвимая социальная группа населения. Причиной социального неблагополучия называлось нежелание инвалидов возвращаться к трудовой деятельности, их пассивная социальная позиция. Естественно, что лучшим средством социальной политики в отношении инвалидов называлось их профессиональное обучение и трудоустройство.

В то же время фактически обосновывалась официально закрепленная дифференциация инвалидов. Из общей массы нетрудоспособного населения были выделены незрячие, глухонемые, «инвалиды старости», которые оказались в ситуации социальной эксклюзии из-за своей неспособности к труду и были названы лишними.

С другой стороны, в публикациях того времени явно прослеживается тенденция изменить представление об инвалидах в самом обществе как о ненужном социальном элементе. В большей степени это, конечно же, опять связывается с возможностью привлечения оставшейся рабочей силы инвалидов, но обращение к «советской общественности» демонстрирует искреннее желание руководителей государства сформировать позитивный имидж «советского инвалида».

Список литературы.

1. **IV Всероссийское совещание собесов:** тезисы докладов // Известия НКССО. 1922. № 9. Приложение.
2. **Государственное обеспечение** // Известия НКССО. 1922. № 33.
3. **Государственный архив Алтайского края.** Ф. Р-18. Оп. 3.
4. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. Р-374. Оп. 12.
5. **ГАРФ.** Ф. Р-4347. Оп. 1.
6. **Еще одно усилие** // Бюллетень Всесоюзного Коммунистического союза молодежи. 1924. № 4.
7. **Жемчужный.** Задачи профессионального обучения инвалидов // Вопросы социального обеспечения. 1922. № 1.
8. **Калинин М. И.** Все – в члены Комсомола // Бюллетень Томского окружного комитета помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам войны и семьям лиц, погибших на войне. Томск, 1926.
9. **Калинин М. И.** Избранные произведения: в 4-х т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 3. 493 с.
10. **Ливанов А. В.** Инвалиды войны (врачебно-социальный очерк) // Бюллетень Всесоюзного Коммунистического союза молодежи. 1924. № 3.
11. **Роль врача в профобучении инвалидов** // Известия НКССО. 1922. № 6.
12. **Собкович Б. П.** Слепые в РСФСР // Известия НКССО. 1922. № 43.
13. **Троцкий Л.** О трудовой помощи инвалидам // Известия НКССО. 1922. № 2.
14. **Читин Н.** Все на помощь инвалидам // Бюллетень Томского окружного комитета помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам войны и семьям лиц, погибших на войне. Томск, 1926.